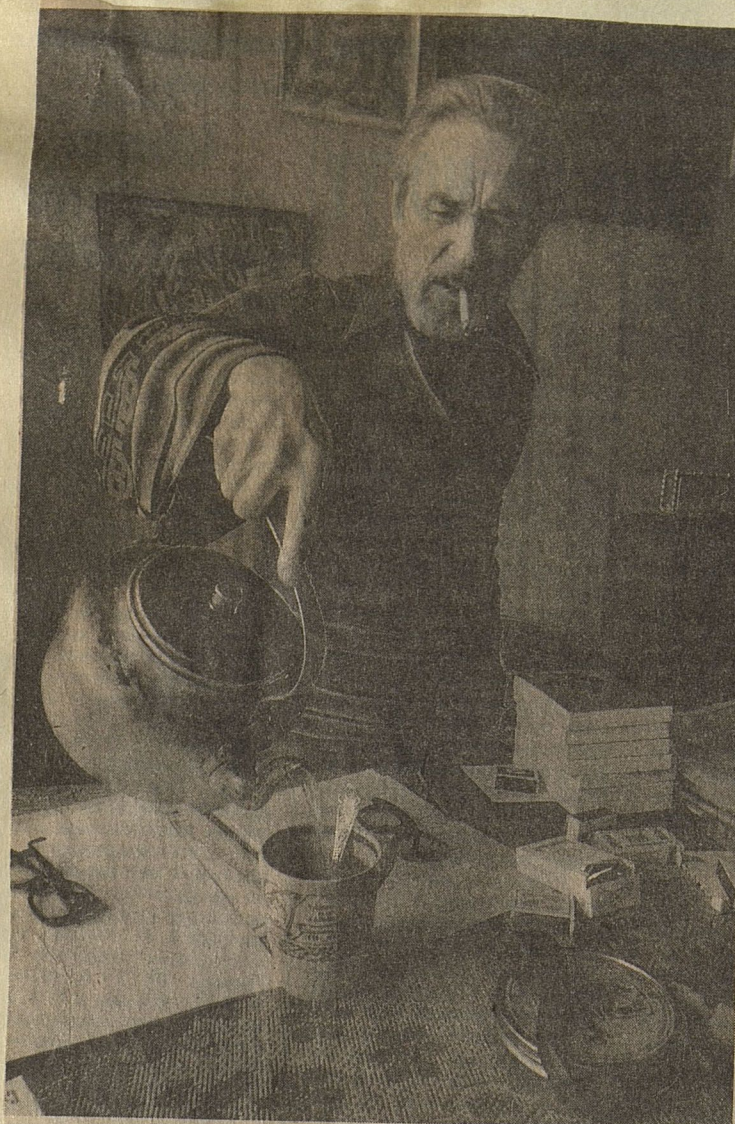

Клубные встречи

Геннадий Айги, очень хороший поэт. Вот только не все об этом, к сожалению, знают на одной шестой части нашей планеты. Как и многие поэты, композиторы, художники, не вписывающиеся в узкие рамки кондового социалистического реализма, до 1988 года Геннадий Айги публиковался исключительно на Западе. За рубежом у него вышло более ста книг. Он лауреат премии Французской Академии, немецкой премии имени Петрарки, македонского "Золотого венца" и других. В России его первая книга стихов появилась в 1991 году и имела символическое название "Здесь".

Геннадий АЙГИ:

Встреча клуб - 1995 - 7 дек - с. 7

Меня исключили из литературы за дружбу с Борисом Пастернаком

— Геннадий Николаевич, как вышло, что вы стали представителем неофициальной культуры?

— Ну я сам себя таким не объявлял. Вот, скажем, нынче в моде слово "андерграунд". Кстати, я его чуть ли не первый раз сейчас произношу. Дело в том, что мы вовсе не уходили в подполье, мы просто жили, дружили и пытались сохранить живое слово, живое искусство. Естественно, что в стране всеобщей мертвечины ничто, считающееся настоящим искусством, не могло быть опубликовано, показано на экране, исполнено в концертном зале. Отдельные случаи, конечно, были. Но это скорее по недосмотру или недомыслию властей. И, как правило, с огромными купюрами.

— Ну а вас "вырезали" из литературы прежде всего за дружбу с Пастернаком?

— Конечно. В 1958 году меня исключили из Литинститута "за написание враждебной книги стихов, подрывающей основы метода социалистического реализма". Литературное начальство обнаружило в книге влияние Ницше и Пастернака. А произошло это после публикации "Доктора Живаго". Кстати, ученика исключили даже раньше Учителя. Меня в марте, а его из Союза писателей — в октябре.

— А как вы познакомились с Борисом Леонидовичем?

— В 1956 году дочь Ольги Всеволодовны Ивинской Ирина Емельянова, учившаяся с нами в институте, дала нам с другом почитать авторский экземпляр знаменитого впоследствии романа. На одну ночь. И мы не только прочли, я даже конспектировал, записывал большие куски в тетрадь. Потом, кстати, я их показывал прозаику Юрию Казакову и драматургу Михаилу Рошину, с которыми вместе учился. Рошин еще удивлялся: мол, ду-

мал, что это какая-то экспериментальная, модернистская проза, а оказалось совсем не так...

Мы жили в Переделкине и под огромным впечатлением от романа вместо лекций мы с другом пошли в ту часть поселка, где находилась дача Пастернака. И неожиданно встретили самого Бориса Леонидовича. Подошли к нему, сказали, что читали "Живаго". Он был удивлен, заинтересовался. Мы разговорились. А спустя несколько дней Ира Емельянова сказала мне, что "классик" (так мы называли Пастернака между собой) спрашивал обо мне, приглашал в гости. Так и началась наша дружба. Впоследствии о ней я написал книгу, которая была издана в Германии.

— Как складывалась ваша жизнь после исключения?

— Три года без прописки, без работы. Жил по друзьям. На вокзалах приходилось ночевать. А в 1961 году благодаря помощи композитора Андрея Волконского и известной певицы Нины Дорлиак я устроился на работу в Музей Маяковского. Примерно в это же время мне удалось купить две комнаты в деревянном доме в деревне Троицкое-Голенищево. Она была там, где сейчас различные посольства на Мосфильмовской улице. И этот дом стал одним из штабов "другого" искусства. Там бывали поэты, художники, композиторы, философы. И так длилось до 1966 года, пока деревню не снесли.

— А кто именно там собирался?

— Художники Игорь Вулох, Анатолий Зверев, Владимир Яковлев, ретроспективная выставка которого, кстати, недавно открылась в Третьяковской галерее, композитор Андрей Волконский, который фактически был зачинателем новейшей русской музыки. В 1961 году в Малом

зале консерватории была исполнена его "Сюита зеркал". Это было первое произведение атональной музыки, написанное в России. Там же бывал Саша Васильев, сын одного из создателей фильма "Чапаяв". Кстати, именно благодаря ему распространялись по Москве "Воронежские тетради" Осипа Мандельштама. Саша печатал их на машинке, переплетал. Таким же образом он издал пятитомник Велимира Хлебникова. Вообще-то группы, бытовавшие тогда в Москве, — понятие весьма условное. Просто собирались люди, которые были друг другу интересны. Кстати, мы тогда почти что и не пили. Веселились и радовались жизни без вина. Начали выпивать, когда стало ясно, что нет никаких надежд на реальное воплощение наших замыслов.

А у меня очень многие бывали. И "лианозовцы", и поэты из "группы Черток-ва". Забрел даже автор знаменитых антисоветских "Зияющих высот" Александр Зиновьев со своим другом скульптором Абрамом Ницбергом, живущим ныне в Нью-Йорке.

— Как вы познакомились со Зверевым?

— Он тоже забрел ко мне в Троицкое-Голенищево. Это было осенью 1961 года. Иногда он "зависал" у меня неделями. Толя Зверев был невероятным человеком. Он сам выдумывал легенды о себе. С ним редко когда можно было разговаривать серьезно. Он постоянно ерничал, юродствовал. Юродство — это была его форма самозащиты. Оборванный, лохматый, всегда подвыпивший, всегда неунывающий. Как-то мы шли с ним от площади Пушкина до Манежной. Так из-за его внешнего вида нас раз шесть останавливала милиция и проверяла документы.

Однажды известный правозащитник Андрей Амальрик рассказывал мне такой случай. Пришел к нему милиционер, ка-

нали писать по-чувашски, но в 1960 году целиком перешли на русский. Как вы себя ощущаете: чувашским поэтом или русским, нет ли чувства некоей двойственности?

— Есть немало стран, где пишут по-французски. Например, в Алжире, в Сенегале... Но эти поэты действительно сенегальские или алжирские. Французский язык у них лишь средство выражения.

Для меня же существование в русской поэзии есть прежде всего освоение русского слова. С самого начала я понимал, что это должна быть русская поэзия, это должно выражать Россию. Я никогда не использовал русского слова для рассказа о чем-то своем, чувашском, экзотическом. И я не испытываю никакой языковой двойственности. Чувашский же стал для меня языком перевода, на него я перевожу европейскую поэзию.

— Вы стали выездным в 1988 году. И с этого момента немало поездили по миру. Что, на ваш взгляд, наиболее разительно отличает нашу страну от "заграницы"?

— Я был в 13 европейских странах и в Израиле. В том, что я скажу, не прозвучит ничего оригинального. Наша страна — самая грязная. Это поражает. Это унижает. Интересно, что грязь очень тесно связана с социализмом. В течение года живя в Германии, будучи стипендиатом Берлинской академии искусств, я постоянно обнаруживал это, переходя из Западного Берлина в Восточный. Пресловутые стены уже не было. Но для того, чтобы осознать, что ты в зоне бывшего социализма, она и не нужна. Проходишь сто метров и по окружающей тебя грязи понимаешь, что ты на Востоке.

Да, Запад — это общество потребления, но культурного потребления. У нас же это потребление принимает дикайшие формы. Нашему потреблению свойственна рабская психология. Его вернее было бы назвать пожиранием, диким, жадным, агрессивным, потерпевшим всякий человеческий облик. На Западе в силу особой ответственности каждого перед самим собой люди кажутся более обособленными. Но разве наше оргиально-алкогольное братство лучше? Отношения между людьми на Западе намного доброжелательнее, чем у нас. Люди всегда готовы помочь друг другу. На мой взгляд, самая удивительная страна — Германия. Я никогда не ощущал себя там чужим.

— Каково ваше ощущение нашей сегодняшней жизни?

— Я за то, чтобы люди жили хорошо в смысле материальном. И если ради этого нужно жертвовать искусством, пожалуй, да, как говорил Маяковский, "вот вам мое стило, и можете писать сами". Но сейчас одни (и их очень много) просто осатанели от легкого удовлетворения своих потребностей физиологического порядка, в то время как другие онемевают от нищеты. Но самое страшное, что война становится нормой нашего существования. И лично я, как и многие в нашей стране, чувствую себя глубоко отравленным войной, отравленным смертью, тленом, распадом. Известно, что Бертран Рассел обратился незадолго до второй мировой войны с антивоенной анкетой к выдающимся европейским деятелям науки и культуры. Там был вопрос: "Возможно ли существование человека без войны?". Зигмунд Фрейд ответил, что невозможно, что в людях большая патологическая тяга к убийству, и так называемые поджигатели войны — это огромные народные массы. И он сказал замечательную вещь: что человечество за всю свою историю сделало пока всего лишь один шаг на пути к прогрессу, отказавшись от канибализма. Второй шаг будет сделан тогда, когда человечество столь же осознанно откажется от убийства человека человеком. А война в сущности это самое обыкновенное человекоубийство. Справедливых войн не бывает.

— Может ли искусство выжить в такое время?

— Искусство выживает всегда, пока жив сам человек. Искусство — это нормальная температура человеческого терпения и человеческого достоинства.

Беседовал
Александр МАКАРОВ-КРОТКОВ.